

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Мишина Екатерина Максимовна

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РЕПРЕССИРОВАННОГО
НА АЛТАЕ В 1935-1937 ГГ.: АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ И
АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре исторической информатики исторического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

- Научный руководитель** – **Бородкин Леонид Иосифович**
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор
- Официальные оппоненты** – **Хлевнюк Олег Витальевич**
доктор исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук школы исторических наук, ведущий научный сотрудник Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- Разгон Виктор Николаевич**
доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории исторического факультета ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
- Хаустов Владимир Николаевич**
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра фундаментальных военно-исторических проблем ФГКВООУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации

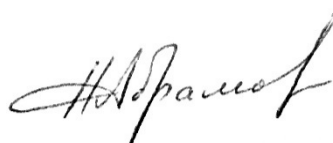
Защита диссертации состоится «14» мая 2018 г. в 14.00 часа на заседании диссертационного совета МГУ.07.01 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119191, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А-419.

E-mail: ot-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д.27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/99473254/>

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Н.Г. Абрамова

Актуальность темы исследования. 1930-е гг. ознаменовались коренными изменениями в жизни государства и общества, и результаты этих преобразований были зафиксированы в Конституции 5 декабря 1936 г. в постулате о победе социализма в СССР. Однако «блестящий фасад», построенный Конституцией, декларировавшей принадлежность власти «трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся» (ст. 3 Конституции СССР), земли – колхозам (ст. 8), права на труд и отдых для рабочих (ст. 118, 119), равноправие граждан СССР (ст. 123), а также свободу слова, печати, собраний и митингов (ст. 125), скрывал за собой «фундамент» государства, построенного на принципах, далеких от конституционных. Призванная, среди прочего, показать «демократичность» политического режима Советского Союза как западному миру, так и населению СССР, Конституция замаскировала одну из главных черт становления советского режима – репрессии – как эффективный механизм осуществления задач сталинской диктатуры.

Различные виды репрессий начали применяться практически сразу после установления в стране советской власти. 5 сентября 1918 г. был подписан декрет «О Красном терроре», в 1923 г. организован первый лагерь в будущей системе ИТЛ – Соловецкий лагерь особого назначения. В конце 1920-х гг. – начале 1930-х гг. были проведены крупные судебные процессы: Шахтинское дело, «Процессы над вредителями», Академическое дело (1929-1931 гг.) и др. В репрессиях, проводимых в СССР в 1930-х гг., можно выделить несколько фаз: процессы 1931-1933 гг., связанные с коллективизацией и сопровождавшим ее раскулачиванием, 1935 – первая половина 1937 г. – фаза постепенного ужесточения репрессий – и самая масштабная кампания 1937-1938 гг., связанная с реализацией приказа 00447¹ и других оперативных приказов НКВД. Первая и третья фазы террора достаточно широко освещены в литературе; период с убийства С.М Кирова 1 декабря 1934 г. до конца июля 1937 г. – начала осуществления репрессий в рамках массовых операций – исследован в меньшей степени. Операции Большого террора по своей направленности в определенной степени были схожи с проводившимися ранее кампаниями, что обуславливает важность изучения указанного периода для понимания репрессивной политики второй половины 1930-х гг. Интерес также представляет то, что в конце 1934 – первой половине 1937 г., в отличие от периода Большого террора, 20,4% от всех дел было прекращено за недоказанностью обвинения.

Изучение различных аспектов сталинских репрессий необходимо для понимания того, что при помощи террора невозможно эффективно решать экономические и социально-политические задачи, стоящие перед государством, которое в силу определенных обстоятельств вынуждено во многом полагаться на собственные ресурсы. В условиях, когда 36% населения страны считают сегодня, что человеческие жертвы сталинской эпохи оправданы ее «великими целями и результатами», а 32% выступают за почти полное закрытие архивов о репрессиях, так как это может нанести ущерб государственным интересам², необходимо появление как можно большего числа работ, показывающих, кто на самом деле становился жертвами репрессий и по каким причинам.

Под термином «жертва политических репрессий» мы понимаем непосредственно пострадавших от политических репрессий на территории Российской Федерации с

---

¹ Оперативный приказ №00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г., с которого начался Большой террор.

² Подсчитано автором по данным опроса населения России, проведенного Левада-центром 21-24 апреля 2017 г. // Аналитический центр Юрия Левады [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2017/05/23/stalinskie-repressii/> (дата обращения: 25.12.2017).

25 октября 1917 года. Под политическими репрессиями понимается определение, установленное статьей 1 закона от 18 октября 1991 года N 1761-1 "О реабилитации жертв политических репрессий": «Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями»³. В данном исследовании рассматриваются «политические» репрессированные, арестованные и осужденные по статье 58 УК РСФСР.

Объектом исследования в данной работе являются комплекс источников по истории репрессий на Алтае и в Ойротской АО (современные Алтайский край и Республика Алтай, в рассматриваемый период – части единого Западно-Сибирского края без самоназвания) и соответствующие следственные дела по Алтаю, а также процесс, который они описывают, – политические репрессии на Алтае в середине 1930-х гг. **Предметом** исследования является реконструкция социального портрета репрессированных в двух рассматриваемых регионах.

Территориальные и хронологические рамки исследования. Хронологические рамки работы ограничены периодом от убийства Кирова 1 декабря 1934 г., которое положило начало новому витку террора, так как позволило Сталину расправиться со своими политическими противниками⁴, до 30 июня 1937 г. Хотя приказ 00447 о начале Большого террора датируется 30 июля, уже за месяц до него резко возрастает масштаб репрессий. Июль 1937 г. не входит в рамки данной работы, так как процессы, происходившие тогда, носят принципиально отличный от рассматриваемого периода характер. К примеру, на Алтае только за 30 дней июля было арестовано и затем приговорено более 3000 человек – в два раза больше, чем за предыдущие 2,5 года. Такой масштаб репрессий больше соответствует периоду Большого террора, который, по мнению некоторых исследователей⁵, мог начаться на Алтае чуть раньше других регионов – 28 июля. Частично такой размах репрессий в июле объясняется проведением «РОВСовской» операции⁶, которая началась в Западно-Сибирском крае с конца июня⁷.

Исследование строится на основе данных по Алтайскому краю (с Ойротской автономной областью), - который в рассматриваемый период входил в состав Западно-Сибирского края (ЗСК). Единым Алтайским краем эти регионы стали по постановлению

---

³ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика: Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. С. 194-195.

⁴ См.: Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 232.

⁵ См.: Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2009. С. 102-103.

⁶ «Российский общевойсковой союз» (РОВС) – якобы существовавшая на территории СССР «белогвардейско-монархическая организация», по разработке НКВД готовившая переворот и захват власти в СССР при помощи белогвардейских эмигрантских организаций. Аресты по линии РОВСа проходили параллельно с «кулацкой» операцией сверх лимитов.

⁷ Справка начальника УНКВД Западно-Сибирского края С.Н. Миронова в крайком ВКП(б) «По делу эсеровско-монархического заговора в Западной Сибири», 17 июня 1937 г. // Трагедия советской деревни. Т. 5, Кн. 1. С. 256.

ЦИК СССР от 28 сентября 1937 г. Сформированный край занимал территорию современных Алтайского края, Республики Алтай и двух районов современной Новосибирской области: Кочковского (передан в 1939 г.) и Андреевского (передан в 1944 г.). В исследовании рассматриваются границы региона на 1936 г. Так как в составе Западно-Сибирского края будущие территории Алтайского края (без Ойротской АО) не имели собственного названия, они именуется как «Алтай» (55 районов) и Ойротская АО (Ойротия) - относящиеся к ней 10 районов (аймаков).

Учитывая региональную специфику, реконструкция социального портрета репрессированного в период с декабря 1934 по июнь 1937 гг. на Алтае и в Ойротской АО является **целью** данного исследования.

В соответствии с указанной целью, автор ставит перед собой следующие **задачи**:

- выявить источниковедческие проблемы исследования и пути их решения;
- охарактеризовать основные механизмы репрессий описываемого периода;
- проанализировать динамику репрессий по годам;
- проанализировать основные социально-демографические характеристики репрессированных (пол, возраст, национальность, место жительства, социальное положение, образование);
- выявить взаимосвязи этих характеристик и их влияние на вынесенный приговор;
- провести микроанализ ряда характеристик на основе документов из следственных дел;
- проанализировать изменение структуры выдвигавшихся обвинений;
- выявить социально-экономические признаки, влиявшие на уровень репрессий, степень их влияния, а также их пространственную (районную) специфику.

Для проведения исследования была привлечена соответствующая **источниковая база**, состоящая как из опубликованных материалов (сборники законодательных и нормативно-правовых документов⁸, материалы переписей населения 1937 г.⁹ и 1939 г.¹⁰, сборники статистических сведений¹¹), так и из архивных документов. Основным источником исследования стали «Книги памяти» жертв политических репрессий, составленные на основе следственных дел репрессированных и содержащие краткие биографические справки на каждого учтенного репрессированного. По Алтайскому краю было составлено 7 таких книг; нами использовались материалы 2-го, 3-го и 7-го томов¹², так как именно они содержат информацию о репрессированных в рассматриваемый нами период. По Республике Алтай интересующая нас информация содержится во всех трех томах¹³ Книги памяти. На основе региональных «Книг памяти» историко-просветительским обществом «Мемориал» была

---

⁸ Политические репрессии в Алтайском крае 1919-1965 гг. Барнаул, 2005; Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.). Сборник архивных документов и материалов / Отв. ред. Н.В. Екеев. Горно-Алтайск: «АУ РА «Литературно-издательский дом «Алтын Туу», 2017; Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД / Сост. В.Н. Хаустов и др. М., 2003; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937—1938. — М.: МФД, 2004.

⁹ Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007.

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. — М.: Наука, 1992.

¹¹ Западно-Сибирский край. Города и районы. Основные показатели. Новосибирск, 1936 г.; Народное хозяйство Западно-Сибирского края. Новосибирск, 1936.

¹² Жертвы политического террора в Алтайском крае. Т. 2. Барнаул, 1999; Т. 3. 1937 г., Ч. 1. Барнаул, 2000; Т. 3., 1937 г., Ч. 2. Барнаул, 2000; Т. 7. 1920-1965. Барнаул, 2005.

¹³ Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Том I. Горно-Алтайск, 1996. Том II. Горно-Алтайск, 1998. Том III. Горно-Алтайск, 2003.

разработана электронная база данных «Жертвы политического террора в СССР»¹⁴, которая существенно облегчила доступ к данным бумажных «Книг памяти». В работе использовалась редакция базы 2007 г., которая на тот момент включала в себя сведения на более 2,6 млн. репрессированных за весь советский период. Новая редакция базы 2017 г. включает биографическую информацию о 3,1 млн. репрессированных. В новой редакции сведения по Алтайскому краю и Республике Алтай не обновлялись, так как их сбор и систематизация были закончены на момент 2007 г.

Другим основным источником исследования стали архивно-следственные дела репрессированных. Автор использовал материалы отдела спецдокументации управления архивного дела Алтайского края, г. Барнаул (сокращенно ОСД УАДАК, фонд Р-2). Следственные дела использовались для проверки сведений «Книг памяти», выявления и иллюстрации механизмов репрессий, проведения микроанализа определенных социальных характеристик репрессированных (социального происхождения, уровня грамотности, также партийной принадлежности, предыдущих судимостей и дальнейших репрессий). В работе также использовались документы основного хранения Государственного архива Алтайского края (фонды П-1 и П-10).

Степень научной разработанности темы. Период политических репрессий с конца 1934 г. по июнь 1937 г. освещается в историографии недостаточно полно, как и его региональные аспекты. Основное внимание сосредоточено на так называемых московских процессах, то есть на борьбе с зиновьевской «оппозицией», проходившей, в основном, в партийной среде. Эта тема начала разрабатываться на Западе с 1980-х гг. и была существенно дополнена после «архивной революции» в России силами преимущественно иностранных историков. Российские исследователи, прежде всего, акцентируют внимание на исследовании различных аспектов массовых операций. Репрессии, проводимые до начала 1937 г. по всей стране, анализируются довольно кратко, так как они не имели столь организованного характера, как операции Большого террора, а также несравнимо уступали ему по масштабам.

Значительная часть современных исследователей, как отечественных¹⁵, так и зарубежных¹⁶, сходятся во мнении, что репрессии сталинского периода носили централизованный характер, начинались и завершались по приказу из центра и четко им контролировались. Точке зрения этих исследователей противостоит так называемая ревизионистская, заключающаяся в отвержении тоталитарной модели полного контроля над населением страны. По мнению «ревизионистов», не воля Сталина и не программа большевиков, а честолюбие выдвигенцев и карьеристов, амбиции региональных партийных руководителей, зависть и недовольство доносчиков, борьба за власть между группами интересов породили сталинскую репрессивную систему¹⁷. Эта точка зрения начала

---

¹⁴ Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007. 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

¹⁵ См: Волкогонов Д.В. Сталин. Политический портрет. М., 1992; Медведев Р. О Сталине и сталинизме. М., 1990. Хлевнюк О.В. Указ. соч.; Хаустов В.Н. Основные факторы, определяющие репрессивную политику Советского государства // История сталинизма: репрессированная советская провинция. М., 2011. Петров Н.В., Янсен М. Указ. соч.

¹⁶ См: Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991; Грегори П.Р. Нужен ли был Сталин? // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011; Баберовски Й. Выжженная земля: сталинское царство насилия. М., 2014.

¹⁷ См.: John Archibald Getty Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933-1938, New York, Cambridge University Press, 1985; Thurston R. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934-1941. New Heaven, 1996. Как и «ревизионисты», Д. Ширер считает, что сталинский режим прибегал к насилию и ре-

развиваться за рубежом на первых этапах изучения истории сталинизма (с 1960-х гг.). Несмотря на то, что «архивная революция» начала 1990-х гг. нанесла существенный удар по позициям «ревизионистов», они до сих пор находят своих сторонников среди российских авторов¹⁸.

Период с конца декабря 1934 г. до середины 1937 г. рассматривается в историографии как цепь событий, приведших к Большому террору. По мнению В. Голдман¹⁹, к 1934 г. не осталось ни правой, ни левой активной и организованной оппозиции политике Сталина. О.В. Хлевнюк считает, что был ли Сталин причастен к убийству или нет, он в полной мере использовал это событие для достижения своих целей и, прежде всего, для расправы с бывшими участниками оппозиции. Он приказал разрабатывать «зиновьевский след», то есть обвинил в убийстве Кирова бывших политических противников – Каменева и Зиновьева²⁰. В 1935 г. в повсеместное употребление вошел термин «двурушник» - двуличный человек, обманщик, скрывающий контрреволюционные замыслы за маской лояльности к советскому режиму. Новый, более жесткий характер репрессивные кампании приобрели после первого московского процесса (август 1936 г.). Накануне, 29 июля 1936 г., от ЦК ВКП(б) на места было отправлено закрытое письмо «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». Это письмо в значительной степени повлияло на ужесточение репрессивной политики.

Осенью руководители партии переключили внимание с политических убийств на акты вредительства в промышленности. Основным катализатором новой волны террора стал взрыв на угольной шахте в г. Кемерово 23 сентября 1936 г.²¹ Несколько участников Кемеровского процесса в январе 1937 г. оказались свидетелями на втором московском процессе. Разрабатывались и другие «линии». Опасаясь военной угрозы из-за границы, со стороны Польши, Германии и Японии, сталинское руководство приняло решение физически уничтожить потенциальных шпионов и предателей²².

Таким образом, со дня убийства Кирова до 1937 г. террор постепенно набирал обороты. До начала 1937 г. это выражалось не в количестве арестованных (до 1939 г. меньше всего арестов было произведено в 1936 г. – 131 168, однако количество осуждений выросло с 78 999 в 1934 г. до 274 670 в 1936 г.²³), а в постепенном расширении понимания термина «враг народа»: в него включались «зиновьевцы», «троцкисты», затем «вредители», «шпионы», эсеры, «правые». Широкая трактовка статьи 58 УК позволяла подвести под одно или несколько из указанных понятий любого, у кого в биографии имелись на это «основания». Это время «тихого террора»²⁴ имело свою региональную специфику так же, как репрессии периода коллективизации и операции Большого террора.

Сибирские историки внесли свой вклад в изучение истории сталинизма в региональном аспекте. Нами было выделено две группы историографических работ. К

прессиям не только для достижения революционных целей, но и в качестве реакции на последовательно возникающие в обществе кризисы. См.: Ширер Д. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924-1953 гг. М., 2014. С. 31.

¹⁸ Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933-37 гг. М., 2003; Наумов Л.А. Сталин и НКВД. М., 2010.

¹⁹ См.: Голдман В. З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010. С. 78.

²⁰ См.: Хлевнюк О.В. Хозяин. С. 232-233; Баберовски Й. Указ. соч. С. 178.

²¹ См.: Голдман В. Указ. соч. С. 130

²² См.: Баберовски Й. Указ. соч. С. 163; Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 169.

²³ История сталинского ГУЛАГа. С. 608-609.

²⁴ Tucker R. Ibid. P. 303.

первой относятся труды, освещающие проведение репрессивной политики на всей территории Сибири, в первую очередь описывающие те регионы, которые в середине 1930-х гг. входили в состав Западно-Сибирского края (ЗСК). Ко второй группе историографических работ относятся исследования, посвященные непосредственно репрессивной политике на Алтае и в Ойротской АО.

В Томской области тему политических репрессий и последующей реабилитации их жертв разрабатывает В.Н. Уйманов²⁵. В своих работах он отмечает, что концентрация в регионе значительного количества «бывших» людей стала причиной того, что в Западной Сибири Большой террор побил все «рекорды» в сравнении с другими регионами по развертыванию массовых репрессий и уничтожению преимущественно наиболее передовой части ее населения²⁶. Репрессии на Алтае автор затрагивает в связи с описанием жизни переселенцев, репрессиях на Томской железной дороге. В Кемеровской области Л.И. Гвоздиковой²⁷ достаточно хорошо разработана тема функционирования исправительно-трудовых лагерей на примере Кузбасса. Эта тема в значительной степени связана с политическими репрессиями. Автор рассматривает процессы над «врагами народа» как источник пополнения лагерного контингента. Значительное внимание уделяется «кемеровскому процессу» как наиболее крупному, произошедшему в регионе, а также оказавшему влияние и на общесоюзную репрессивную политику. Автор полагает, что обвинения в «правом уклоне» стали активно предъявляться уже с 1936 г. (что Л.И. Гвоздикова связывает с арестом Бухарина и Рыкова²⁸, хотя они были арестованы в феврале 1937 г.), что не согласуется с позицией других исследователей²⁹. В историографии также рассматриваются репрессии на промышленных предприятиях Кузбасса: отмечается большая текучка кадров из-за постоянных арестов руководящих работников³⁰ и роль «пятен» в биографии³¹ руководителей и рабочих предприятий в проведении репрессий.

Репрессии в Новосибирской области, а также в Сибири в целом, очень подробно рассмотрены в работах С.А. Папкова³². В них освещается связь союзных постановлений и

---

²⁵ Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... Томск, изд-во Томского университета, 1995; Он же. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 г.). Томск, 2012.

²⁶ Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С. 137.

²⁷ Гвоздикова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997.

²⁸ Гвоздикова Л.И. Указ. соч. С. 202.

²⁹ См.: Папков С.А. Обыкновенный террор: политика сталинизма в Сибири. М., 2010. С. 194-195; Карлов С.В. Массовые репрессии в 1930 гг. (на материалах Хакасии). – Абакан: Хакаское книжное издательство, 2011. С. 148. В сообщениях о Западно-Сибирском крае «правые» впервые упоминаются в связи с раскрытием «троцкистского центра» во главе с партизанским командованием – троцкистами Шевелевым-Дубковым и Третьяком в Западной Сибири и «правым контрреволюционером Яковенко в Красноярском крае» (Спецсообщение Н.И. Ежова И.В. Сталину о троцкистском центре в Западно-Сибирском крае // Фонд Александра Н. Яковлева [Электронный ресурс]. –URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61004> (дата обращения: 20.12.2017). 3 апреля был издан циркуляр ГУГБ НКВД о вскрытых антисоветских организациях троцкистов и правых в военно-химической промышленности и о необходимой очистке отрасли от враждебных элементов. К лету 1937 г. обвинения в «правом» уклоне уже окончательно получили контрреволюционную окраску.

³⁰ Папков С.А. Чистка управленческих кадров угольной промышленности Кузбасса в 1937 г. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 59-63.

³¹ Генина Е.С. Преследование «бывших белых» в Кузбассе в 1930-е гг. как реализация сталинской идеологии репрессий // Белая гвардия. 2001. № 5. С. 61-66.

³² Папков С.А. Сталинский террор в Сибири, 1928-1941 // Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 1997. [Электронный ресурс]. Красноярское общество «Мемориал» – URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/1997Papkov/0.htm> (дата обращения: 28.10.2013); Он же. Каганович в Сибири: погромные акции 1929-1936 гг. // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск: ИД «Сова», 2008. Вып. 2. С. 589-596; Он же. Тройки ОГПУ—НКВД в Сибири в сталин-

сибирских репрессивных кампаний. Автор отмечает, что после убийства Кирова и суда над Каменевым и Зиновьевым в январе 1935 г. начались аресты групп «двурушников» на предприятиях Кемерово, Барнаула, Томска, Красноярска, из процесса над которыми крайкомом ВКП(б) была устроена копия будущих так называемых московских процессов. Апогеем террора 1935-1937 гг. в Сибири автор считает «кемеровский процесс» сентября 1936 г., которому он уделяет особое внимание. Деятельности ОГПУ-НКВД в Сибири посвящена монография А.Г. Теплякова³³. Он отмечает, что репрессивная волна на Алтае была направлена в основном против «единоличников, саботирующих сев», а также христиан, но главным образом немцев, проживающих в районе г. Славгорода.

С.В. Карлов подчеркивает присущий репрессивным акциям в приграничных автономных областях (на примере Хакаской АО) «националистический» характер предъявляемых обвинений³⁴. Другой хакасский исследователь, М.Г. Степанов³⁵, распространяет этот вывод на алтайцев, а также немцев, репрессии против которых еще до Большого террора были обусловлены политическими причинами. Он также отмечает, что репрессии рассматриваемого периода носили адресный характер: аресты происходили в связи с личной виновностью и являлись карой за индивидуальные или коллективные «преступления»³⁶. Подробно на репрессиях 1935 – первой половины 1937 г. в Красноярском крае останавливается А.А. Макаров³⁷, который применяет к ним термин «массовые». Недостаточную обоснованность такого применения термина подчеркивает в своей работе М.Г. Степанов³⁸.

Алтайские исследователи широко осветили различные аспекты Большого террора на Алтае³⁹. Социальные и экономические аспекты Большого террора рассмотрены в работах В.Н. Разгона⁴⁰. Он анализирует механизмы выбора жертв репрессий, влияние социально-экономического развития региона на проведение репрессивных кампаний в отдельных его районах. Период 1935-1937 гг. практически не освещен в историографии; большое

скую эпоху (1925–1938 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. статей / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 128–154; Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012.

³³ Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008.

³⁴ Карлов С.В. Указ. соч.

³⁵ Степанов М.Г. История политических репрессий в СССР (1934-1936 гг.): взгляд отечественной историографии // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. II. С. 182-185.

³⁶ Там же. С. 182.

³⁷ Макаров А.А. Репрессии в Красноярском крае (1934-1938). Абакан: Хакаское книжное издательство, 2008.

³⁸ Степанов М.Г. История политических репрессий в СССР. С. 183.

³⁹ Массовые репрессии в Алтайском крае 1937-1938 гг. Приказ №00447. М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010; Большой террор в Алтайском крае 1937-1938 гг. Реализация приказа НКВД №00447: Коллективная монография. Барнаул: АЗБУКА, 2014; Разгон В.Н., Жданова Г.Д. Большой террор в ракурсе микроисторического исследования: репрессии в Солтонском районе Алтайского края в 1937-1938 гг. // Сибирские исторические исследования. 2014. № 3. С. 71-87; Аблажей Н.Н. «Харбинская операция» НКВД в 1937-1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80-85.

⁴⁰ Разгон В.Н. Большой террор 1937-1938 гг.: выбор жертв репрессий (на материалах следственных дел УНКВД по Алтайскому краю) // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2016. № 4 (92). С. 128-134; Он же. Социальные и экономические факторы «Большого террора» 1937-1938 гг. (по материалам следственных дел УНКВД по Алтайскому краю на «бывших кулаков») // Экономическая история Сибири XX века: материалы Всероссийской научной конференции. 30 июня – 1 июля 2006 г. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Ч. 2. С. 249 – 260; Он же. «Большой террор» и колхозное крестьянство Алтая (по материалам архивно-следственных дел) // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века: материалы II Всероссийской научной конференции. 27-28 июня 2009 г. Барнаул: Изд-во «Академия развлечений», 2009. С. 208-214.

количество публикаций принадлежит краеведам, не имеющим специального исторического образования⁴¹.

Одной из хорошо изученных тем, связанных с репрессиями на Алтае, является террор среди немецкого населения края. С разной степенью интенсивности он продолжался на протяжении всех 1930-х гг. Репрессии в Немецком районе Алтайского края рассмотрены в работах Л.П. Белковец⁴² и А.А. Фаста⁴³. Монография Г.Д. Ждановой⁴⁴, посвященная репрессиям в Алтайском крае с 1919 по 1938 г., является наиболее полным статистическим исследованием, рассматривающим отдельно разные их периоды: с 1919 по 1927 г., с 1928 по 1933 г. и с 1937 по 1938 г. рассматриваемый нами период освещен очень кратко в контексте общесоюзных процессов и постановлений, которые предварили начало Большого террора. Работа «Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965»⁴⁵ на сегодняшний день является одной из немногих, составляющих наиболее целостную картину репрессивной политики в региональном разрезе в 1935 – первой половине 1937 г.

В Республике Алтай тема комплексного изучения истории репрессий находится на начальном этапе разработки. Существует несколько работ⁴⁶, дающих общее представление о 1930-х гг. в Ойротской АО. Отдельные аспекты репрессивной политики – механизмы репрессий и репрессии против поляков – рассмотрены в статьях Н.Н. Аблажей⁴⁷ и Н.В. Вохменцевой⁴⁸. Источники для изучения истории репрессий перечислены в работе М.С. Каташева⁴⁹. Главным трудом, обобщающим имеющиеся сведения о репрессиях в Горном Алтае, является сборник «Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.)»⁵⁰. Авторы подробно останавливаются и на периоде 1935 – первой половины 1937 гг., подчеркивая, что в это время Западно-Сибирский крайком партии четко руководил репрессивной политикой в регионе, оттесняя областное руководство. Обвинения «в национализме» присутствовали в большей части заведенных сфабрикованных дел.

Освещаемое в региональных работах в период 1935 – первой половины 1937 гг. сопоставление всесоюзных постановлений и операций на местах не подкреплено количественными данными о социальных характеристиках репрессированных. Не

---

⁴¹ См. работы краеведа Гришаева В.Ф, основанные на публикации отдельных документов ОСД УАДАК. Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно. Барнаул, 1995; Он же. И жертвы – и палачи: к истории сталинских репрессий в Барнауле // Барнаул, 1995. №4. С. 129-143; Он же. Дело архиепископа Иакова // История православия на Алтае. Барнаул, 2001; он же. Убитые дважды // Алтай. 1992. №3. С. 126-139.

⁴² Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е гг.). М., 1995.

⁴³ Фаст А.А. В сетях ОГПУ-НКВД (Немецкий район Алтайского края в 1927-1938 гг. Барнаул, 2002.

⁴⁴ Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг.

⁴⁵ Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965.

⁴⁶ Эшматова Г.Б. Политические репрессии в Горном Алтае // Вестник Восточно- Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2015. N. 2 (9). С. 48 – 52; Она же. Из истории политических репрессий в Горном Алтае в период 1920-1930-х гг. XX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том 9. № 3/2. С. 95-100; Шишкина И.А. Архивно-следственные дела как источник по истории политических репрессий казахов ойротской автономной области в первой половине 1930-х гг. // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 256-259. Аналитические статьи // Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Т. 3.

⁴⁷ Аблажей Н.Н. Перебежчики в Горном Алтае: масштабы миграции и механизм политических репрессий в 1920-1930-е гг. // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Вып. 2. Новосибирск: Наука-Центр, 2004. С. 83-103.

⁴⁸ Вохменцева Н.В. Поляки в Горном Алтае в 30-50-е гг. XX века в документах и фактах // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2015. № 3 (9). С. 62-67.

⁴⁹ Каташев М.С. Источники по изучению политических репрессий в национальном регионе (на примере Горного Алтая) // Научный альманах. 2016. № 8-1 (22). С. 390-396.

⁵⁰ Политические репрессии в Горном Алтае (1922-1953 гг.): Коллективная монография. Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Сурузакова», 2017.

установлено также, какие именно категории населения были целевыми группами репрессивных кампаний указанного периода, что становилось причиной ареста, к каким мерам наказания приговаривались обвиняемые. Решение этих проблем достигается путем реконструкции социального портрета репрессированных. Для такого исследования необходим большой массив однородной информации, в котором содержатся сведения об объекте изучения. Адекватным инструментом для классификации таких данных, их упорядочения и дальнейшего анализа является создание базы данных⁵¹.

Базы данных лежат в основе работ по реконструкции социального портрета разных категорий репрессированных: лиц, лишенных избирательных прав⁵², «бывших» людей – представителей сословий и классов царской России⁵³, раскулаченных⁵⁴, трудармейцев⁵⁵. В подавляющем большинстве случаев реконструкция социального портрета репрессированного производится исследователями на материалах какого-либо конкретного региона⁵⁶, так как практически каждый имел свою специфику (преимущественно аграрный, с преобладанием промышленного производства, место ссылки «антисоветских» элементов и т.д.), от которой зависели социальные характеристики репрессированных. Такие работы способствуют проведению сравнительных исследований социальных аспектов репрессий в различные периоды сталинизма в разных регионах, направленных, в первую очередь, на рассмотрение главных жертв террора – рабочих, колхозников и рядовых советских работников.

Таким образом, репрессии конца 1934 – первой половины 1937 гг. освещены в

---

⁵¹ Одной из первых баз данных о жертвах политических репрессий является банк данных «Память», созданный в Томской области в начале 1990-х гг. Подробно методика и источники создания таких баз рассматриваются в работах В.Н. Уйманова, В.М. Кириллова и Т.И. Славко. См.: Уйманов В.Н. Опыт создания электронной базы данных репрессированных на территории Томской области // Вестник Томского государственного университета. - 2012. №362. С. 103-106; Кириллов В.М. Репрессированные в Нижнетагильском регионе Урала (проблема формирования банка данных) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика 1917-1980-е гг. С. 15-22; Славко Т.И. Исправительно-трудовые лагеря на Урале в 20-е годы (проблемы формирования базы данных) // Круг идей: развитие исторической информатики. Труды II конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 1995. С. 60-70; Кириллов В.М., Славко Т.И. Узники Тагиллага: принципы комплектования банка данных // Круг идей: развитие исторической информатики. Труды II конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 1995. С. 51-59.

⁵² Тихонов В.И., Тяжелникова В.С. Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы. М., 1998; Байда Е.В. Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика 1917-1980-е гг. Сборник статей участников научной конференции 10-12 ноября 1997 г. Нижний Тагил, 1997. С. 86-95; Морозова Н.М. Социальный портрет «лишенцев» Мордовского края: источники и методы исследования // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. Труды VIII конференции Ассоциации «История и компьютер». Барнаул, 2003. С. 158-173.

⁵³ Смирнова Т.М. Социальный портрет «бывших» в Советской России. По материалам регистрации «лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния» осенью 1919 года в Москве и Петрограде // Социальная история. М., 2000. С. 87-126.

⁵⁴ Раков А.А. Социально-экономические аспекты «раскулачивания» крестьян Южного Урала (1930-1934 гг.). М., 2012.

⁵⁵ Разинков С.Л. Социальный портрет советских немцев-трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Свердловской области в 1941-1946 гг.: опыт создания и применения электронной базы данных: автореф. дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001.

⁵⁶ Звеняцкая Н.В. Социальный портрет «врага народа» в 1920-1930-е гг. (по материалам Нижнетагильского округа) // Тагильский край в панораме веков. Материалы научно-практической конференции г. Нижний Тагил, 12-13 мая 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 98-104; Кодин Е.В. Электронная база данных жертв политических репрессий Смоленской области как исторический источник // История сталинизма: репрессированная российская провинция. М., 2011. С. 41-52; Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937-1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «книгам памяти»: дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.09. – Москва, 2016; Piič M. The Great Terror in Leningrad: a Quantitative Analysis // Europe – Asia Studies. Vol. 52. No. 8. 2000. Pp. 1515-1534.

литературе в основном только на уровне подготовки и проведения так называемых московских процессов. В региональном масштабе они остаются сравнительно малоизученными. Алтайские исследователи в основном концентрируют внимание на периоде Большого террора. Ответ на вопрос, кто становился жертвой репрессий после завершения коллективизации и до июля 1937 г., каков был социальный облик этих людей, не дан в историографии. Данная работа направлена на восстановление этого пробела на основе использования технологии баз данных в целях реконструкции социального портрета как адекватного инструмента для анализа больших массивов однородной информации.

Научную новизну исследования обуславливает малое количество работ по данной тематике⁵⁷, в которых рассматривается период с декабря 1934 г. по июнь 1937 г., а также ввод в научный оборот комплекса архивных источников, не использовавшихся ранее. Автором проведена оценка полноты и достоверности сведений «Книг памяти» за период 1935-1936 гг. и их информационного потенциала. На основе применения статистических методов выдвигается и последовательно доказывается гипотеза о влиянии уровня благосостояния населения на уровень репрессий в разных районах Алтая и Ойротской АО.

Методологическая основа работы – принципы объективности, историзма, научности и системности. В исследовании используются следующие методы: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, комплекс методов компьютерной обработки статистических данных.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенная методика реконструкции и анализа социального портрета репрессированного дает основу для проведения сравнительных исследований на материалах «Книг памяти» других регионов страны, а также для сравнения полученных результатов с соответствующими по другим периодам истории сталинизма. Разработанный нами классификатор занятий репрессированных может применяться для изучения структуры занятости населения СССР в 1930-х гг. Результаты исследования могут использоваться для разработки курсов по истории России XX века, по истории периода сталинизма и источниковедению.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации представлены в 11 научных публикациях общим объемом 7,4 п.л., в том числе 4 статьи в изданиях, утвержденных Ученым советом МГУ имени М.В. Ломоносова.

В ходе работы диссертант выступил на следующих научных конференциях: XIV Международная конференция Ассоциации «История и компьютер» (АИК) «Исторические исследования в цифровую эпоху: информационные ресурсы, технологии, методы» (диплом I степени за лучший доклад, 2014 г., г. Звенигород), конференция «Ломоносов-2014» (диплом I степени за лучший доклад секции «Историческая информатика», МГУ имени М.В. Ломоносова, 2014 г., г. Москва), Международная конференция молодых ученых и специалистов «Сlio-2014» (диплом I степени за лучший доклад, РГАСПИ, 2014 г., г. Москва), III школа молодых ученых «Уроки XX столетия: память о тоталитаризме в музеях, мемориалах, архивах и современных медиа в России и Германии» (2015 г., г. Пермь), Международная конференция «Геоинформационные системы и технологии в исторических исследованиях» (2015 г., г. Барнаул), XV Международная конференция АИК «Исторические исследования в цифровую эпоху: информационные

---

⁵⁷ В монографии директора Государственного архива Алтайского края Г.Д. Ждановой, посвященной всестороннему статистическому анализу репрессий на Алтае в 1919 – 1938 гг., рассматриваемый нами период не выделяется в отдельный. См.: Жданова Г.Д. Политические репрессии на Алтае 1919-1938 гг.

ресурсы, методы, технологии» (диплом II степени за лучший доклад, 2016 г., г. Звенигород), Международная конференция «Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования» (ПГНИУ, 2017 г., г. Пермь), Международная школа «Hoover Library & Archives Workshop On Authoritarianism And Democratic Breakdown» (Stanford University, 2017 г., США), Международная школа GRAINES Summer school - History and its Sources – after the Digital Turn (University of Basel, 2017 г., Швейцария), Межрегиональная научно-практическая конференция «Национальный регион в эпоху революционных преобразований и становления политической системы сталинизма. 1917-1939 гг. (на примере Ойротии-Горного Алтая)» (НИИ алтаистики имени С.С. Сурузакова, 2017 г., г. Горно-Алтайск), Международная конференция «Историческая информатика: традиции и новации (к 25-летию междисциплинарного направления)» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017 г., г. Москва), X международная научная конференция «История сталинизма» (РГАСПИ, 2017 г., г. Москва).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре исторической информатики исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

В соответствии с поставленными целями и задачами **структура диссертации** включает в себя введение, шесть глав, разбитых на параграфы, заключение, список источников и литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определена проблематика данного диссертационного исследования, приведены его цели и задачи, кратко освещены основные репрессивные кампании рассматриваемого периода. В **первой главе** приводится подробный историографический обзор рассматриваемого вопроса. Выделение историографии в отдельную главу обусловлено необходимостью рассмотрения репрессий конца 1934 – первой половины 1937 гг. как в общесоюзном, так и в региональном контексте. Выделяется три группы работ, каждой посвящен отдельный параграф: исследования, посвященные репрессивной политике конца 1934 – середины 1937 гг., проводимой на всей территории СССР, региональные исследования по репрессивной политике в указанный период в Сибири (в Западной Сибири в частности), в том числе в Алтайском крае и Республике Алтай, работы, посвященные анализу социальных характеристик репрессированных и реконструкции их социального портрета преимущественно с использованием технологии баз данных. Авторы рассмотренных работ сходятся во мнении о том, что репрессивные кампании после убийства Кирова до издания приказа 00447 на общесоюзном уровне были направлены против бывших оппозиционеров и их потенциальных сторонников, однако не ставится вопрос, насколько эти процессы затронули широкие слои населения. Масштабы этих кампаний не сопоставимы с Большим террором, однако их изучение также необходимо для понимания того, как борьба с «двурушниками» и «вредителями» после февральско-мартовского пленума 1937 г. постепенно превратилась в массовые операции против широких слоев населения.

В 1930-е гг. Сибирь была местом концентрации «антисоветских элементов» – раскулаченных, спецпереселенцев, бандитов и уголовников. Это наложило отпечаток на характер репрессий, проводимых в данном регионе, а также на их масштаб. Сибирские историки отмечают связь репрессивных кампаний в Западной Сибири с центральными установками, а также акцентируют внимание на работе местных органов безопасности, проявлявших собственную инициативу, одобряемую центром, при проведении репрессий. Алтай освещается в их работах в связи с репрессивными кампаниями в других регионах Западной Сибири – Томской, Новосибирской и Кемеровской области. Период с убийства

Кирова до издания приказа 00447 в июле 1937 г. остается практически неизученным в Алтайском крае, так как в работах исследователей основное внимание уделяется различным аспектам Большого террора. Относительно небольшая историография изучения политических репрессий в Республике Алтай сосредоточена на рассмотрении репрессий всего сталинского периода или судеб отдельных людей.

Анализ историографического опыта реконструкции социального портрета репрессированных показывает, что данная тема является актуальной. Ее рассмотрение позволяет осветить те вопросы о репрессивной политике в СССР, получение ответов на которые было затруднено без анализа больших массивов однородной информации. С этой целью историки все чаще прибегают к использованию баз данных в исследованиях подобного рода. Базы данных, созданные на материалах больших источниковых массивов, становятся одним из основных инструментов для реконструкции социального портрета пострадавших от репрессий – «врагов народа», лишенцев, «бывших» людей. Чаще всего подобные работы рассматривают конкретный период репрессий в отдельно взятом регионе, что способствует проведению сравнительных исследований социального портрета жертв репрессий.

Вторая глава диссертации («Источники и методы исследования») посвящена рассмотрению источников исследования и методам работы с ними. В первом параграфе анализируются «Книги памяти» жертв политических репрессий и созданная на их основе база данных Международного «Мемориала» «Жертвы политического террора в СССР». Такие Книги издаются во многих регионах бывшего СССР на основе архивных следственных дел и состоят из кратких биографий репрессированных. Не существует единого подхода к созданию «Книг памяти»: состав биографических справок различается по количеству содержащейся информации, по видам репрессий (только расстрелянные, только репрессированные в административном порядке или только по статье 58 УК РСФСР без сочетаний с другими), по административно-территориальному делению (учитываются советские или современные границы региона). Такие особенности составления «Книг памяти» ставят вопрос, могут ли они быть источником для реконструкции социального портрета репрессированных.

На основе проведенной проверки на репрезентативность разных «Книг памяти» за период 1935-1936 гг. (сравнение данных Книг с опубликованной статистикой жертв репрессий) выявлено, что не каждая такая Книга является репрезентативным источником для реконструкции социального портрета репрессированных, так как не каждая Книга обладает полнотой данных по рассматриваемому периоду. На материалах «Книг памяти» мы также не можем изучать репрессии 1935-1936 гг. на примере укрупненных регионов административно-территориального деления РСФСР того времени, а вынуждены выбирать отдельные входящие в них территории как объекты исследования (статистические данные, доказывающие выдвинутый тезис, представлены в приложении 2 диссертации). Было подтверждено, что Книги памяти Алтайского края и Республики Алтай обладают полнотой и достоверностью данных за период с конца 1934 г. по первую половину 1937 г. и пригодны для исследования.

Во втором параграфе рассматривается первичный источник исследования – архивно-следственные дела репрессированных. Было проведено сравнение материалов следственных дел, хранящихся в отделе спецдокументации Алтайского государственного архива, с данными базы «Мемориала», что позволило определить расхождения в информации, появившиеся на этапе переноса сведений в бумажные Книги памяти. Чаще всего такие

расхождения встречаются в дате ареста, статье обвинения и роде занятий. Было установлено, что такие различия незначительно влияют на коллективный портрет репрессированных, но должны учитываться при рассмотрении динамики репрессий. База данных «Жертвы политического террора в СССР» обладает большим информационным потенциалом, а использование ее совместно с архивными материалами дает более надежные результаты исследования.

В третьем параграфе подробно описан процесс создания трех баз данных – по репрессированным на Алтае и в Ойротской АО, а также по материалам выборки из следственных дел. База данных «Мемориала», содержащая более 2,6 млн. записей, создана в формате MySQL, который позволяет работать с огромными массивами информации. Обработка такого массива занимает много времени, поэтому для удобства работы из исходной базы были выделены две небольшие (1740 и 427 записей соответственно) с именами репрессированных по Алтаю и Ойротской АО на рассматриваемом временном промежутке.

В третьем параграфе также освещается процесс проведения регрессионного анализа и кластерного анализа районов Алтая и Ойротии по социально-экономическим признакам и уровню репрессий, построения ГИС-карты на основе данных кластерного анализа, а также разработки классификатора занятий репрессированных на основе материалов переписей населения 1937 и 1939 гг. Такой классификатор необходим не только для анализа структуры занятости, но и для определения социального положения – характеристики, оказывавшей значительное влияние на факт ареста. В «Книгах памяти» зафиксирован только род занятий репрессированных, на основе которого определялось социальное положение.

В **третьей главе** («Механизмы репрессий и их динамика») в первом параграфе рассматриваются механизмы ведения следствия, исследованные на основе протоколов допросов, хранящихся в следственных делах репрессированных. Выделяется три типа репрессивных механизмов. Первый механизм – «снизу вверх» – являлся наиболее распространенным и предполагал арест рядовых работников предприятия или колхоза с целью получения показаний против руководителей данного предприятия. Второй механизм – «сверху вниз» – встречается в следственных делах реже, так как предполагал арест руководителей среднего звена, за которым следовали аресты его подчиненных. Такой механизм репрессий нередко встречается в делах и третьего типа – «смешанного», – который характерен для многотомных, сфальсифицированных групповых дел. Этому типу присуще постоянное чередование указанных выше репрессивных механизмов.

Во втором параграфе анализируется динамика арестов и приговоров в период с убийства Кирова до начала Большого террора. В репрессиях этого периода присутствовали пиковые моменты, связанные с событиями как местного, так и союзного масштаба. До апреля 1937 г. количество арестованных на Алтае редко доходило до 60-70 чел. в месяц, а в Ойротской АО – до 30 чел. После февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б) курс на ужесточение репрессивной политики был взят окончательно, что отразилось в динамике арестов весенних месяцев и июня 1937 г. Если в 1935 г. еще возможно было проведение районных репрессивных акций, которые контролировались обкомом и крайкомом партии, но не влияли в значительной степени на репрессии в соседних районах, то с середины 1936 г. репрессивные акции становятся абсолютно идентичными в двух рассматриваемых регионах. Средняя продолжительность следствия составила 161 день в 1935 г., 194 дня – в 1936 г. и 172 дня – в 1937 г. После февральско-мартовского пленума время следствия постепенно стало сокращаться: с 209 дней в среднем в феврале до 122 – в июне 1937 г.

Четвертая глава – «Социальные характеристики репрессированных» - посвящена непосредственно реконструкции социального портрета жертв террора. В первом параграфе анализируется половозрастная структура репрессированных. Подавляющее большинство репрессированных и на Алтае, и в Ойротии – мужчины (до 97%) в возрасте от 21 до 50 лет (до 76% от всех репрессированных). Сравнение полученных данных по возрастным группам с переписью 1939 г. показало, что в обоих регионах было репрессировано непропорционально много людей в трудоспособном возрасте: от 30 до 49 лет, а также значительное количество людей в возрасте от 50 до 59 лет. При этом молодежь до 29 лет репрессии затронули в меньшей степени, чем была их доля в населении регионов, однако они чаще других попадали в систему ГУЛАГа на срок от года до пяти лет. На Алтае людей старше 50 лет, малопригодных к физическому труду в лагерях, предпочитали просто расстреливать или отправлять в лагеря на маленькие сроки. В Ойротии, несмотря на расстрелы, пожилых людей все же чаще приговаривали к длительным срокам заключения. Анализ базы данных «Мемориала» показал, что в эту возрастную группу входили те, кого большевики считали «неблагонадежными элементами» (единоличники – хотя по факту они были простыми крестьянами, граждане без определенных занятий, служители культа), однако большую часть составили рабочие и служащие. В Ойротии дела только 1,4% из всех арестованных были прекращены за недоказанностью обвинения, в то время как на Алтае этот процент составил 20,5%.

Во втором параграфе рассматривается национальная принадлежность репрессированных. Проведенный анализ показал, что в количественном отношении в обоих регионах от репрессий в наибольшей степени пострадало русское население, однако на Алтае приговоры им были мягче, чем представителям «инонациональностей» (немцам, украинцам, полякам и др.). Наиболее жесткая репрессивная политика проводилась по отношению к немецкому населению. Здесь видна строгая зависимость: количество приговоренных увеличивалось с ростом жесткости приговора. В Ойротской АО русских можно считать «инонациональностью» как некоренное население. В 30,6% случаев их приговаривали к ВМН и в 17,2% - к 10 годам лагерей. Еще более жесткой была политика по отношению к другим представителям «инонациональностей» (белорусам, казахам, корейцам и т.д.) – почти в половине случаев они были приговорены к расстрелу. Алтайское население, несмотря на то, что приговоры ему были немного мягче, чем другим национальностям, также понесло значительные потери от репрессий: в составе репрессированных алтайцев вдвое больше, чем в населении региона по переписи 1939 г. (48,1%). Проведенный анализ указывает на то, что в рассматриваемый период национальность еще не являлась одной из главных причин ареста (как, например, в рамках «национальных» операций), но в значительной степени влияла на выносимый приговор. Выявленная зависимость количества приговоров от степени их жесткости у немцев показывает, что террор среди них проводился как четко спланированная акция, в которой национальный аспект был определяющим.

В третьем параграфе анализируется профессиональная и социальная структура репрессированных на основе разработанного автором исследования классификатора занятий. Репрессивные меры государства ударили по наиболее многочисленным социальным группам – рабочие промышленности, занятые в сельском хозяйстве и служащие (в основном низового уровня). Суммарный процент репрессированных рабочих и колхозников от всех репрессированных составляет 46,4% на Алтае и 47,6% в Ойротии. Вместе с мелкими служащими – рядовыми работниками советских учреждений – они составили 67% от всех репрессированных в рассматриваемый период на Алтае и 69% – в Ойротской АО (в

оставшуюся треть вошли священники, деклассированные, единоличники и др.). Доля партийно-хозяйственных руководителей районного и областного уровня составила 3,8% от всех репрессированных в рассматриваемый период. В общем служащих было репрессировано непропорционально много относительно их доли в населении регионов по переписи 1939 г. Их чаще, чем представителей других социальных слоев, приговаривали к расстрелу. Это соответствовало общесоюзным установкам на репрессии в промышленной сфере, на железнодорожном транспорте, на предприятиях, которые активно начались со второй половины 1936 г. в рамках кампании «борьбы с вредительством». В то же время было прекращено значительное количество дел на занятых в сельском хозяйстве; они часто получали менее жесткие приговоры в 1-3 года, несмотря на то, что в абсолютном выражении этот социальный слой пострадал от репрессий в наибольшей степени. Разный подход в двух регионах был к репрессиям среди единоличников. К началу Большого террора на Алтае их аресты практически прекращаются, так как к этому времени в населении региона их остается не более 1,5%, в Ойротской АО аресты происходят равномерно на протяжении всего рассматриваемого периода, так как еще активно продолжается процесс коллективизации.

В четвертом параграфе рассматривается уровень образования репрессированных. Анализ показал, что репрессии больше затронули людей с минимальным уровнем грамотности или имеющих начальный уровень образования, при этом в Ойротии доля таких людей среди репрессированных выше, чем на Алтае. Сопоставление уровня грамотности репрессированных в возрасте старше 50 лет с соответствующим по переписи населения 1939 г. показало, что в старших возрастных группах жертвами репрессий чаще становились люди, имеющие образование. Характер репрессивных кампаний в Ойротской АО, где основными фигурантами дел часто становились служащие верхнего и среднего звена, местная интеллигенция, вокруг которой формировались «группы» из рядовых советских работников, определил тенденцию, где с повышением уровня образования арестованных увеличивалась доля приговоров к расстрелу (при этом прямого влияния уровень образования на приговор не оказывал).

В пятом параграфе рассмотрены отдельные социальные характеристики, присутствующие в следственных делах репрессированных. Такие признаки, как партийная принадлежность, предыдущие судимости не являлись важнейшими факторами, влияющими на вынесенный приговор, однако могли повлиять на степень его жесткости. Несмотря на относительно большой процент состоявших до ареста в ВКП(б), можно утверждать, что партийная принадлежность не могла спасти от ареста и сурового приговора, в особенности относительно давних членов партии (с начала 1920 -х гг.), однако они не были основной целью репрессий. Наиболее важным признаком из рассмотренных в параграфе является социальное происхождение репрессированного – анализ показал, что от репрессий в большей степени пострадали не «чуждые» советскому обществу выходцы из зажиточных крестьян, а вполне «советские» крестьяне-середняки. В рассматриваемый период принадлежность к рядам белых могла сама по себе стать решающим фактором для ареста.

В пятой главе («Практика осуждений по статье 58 УК РСФСР») рассматривается применение статьи 58 в ходе репрессий на Алтае. Обвинение по статье 58 заключалось в предъявлении разных ее пунктов и их сочетаний в рамках обвинения одного человека. В первом параграфе такая совместная встречаемость анализируется по годам. В 1935 – начале 1936 гг. наиболее частым обвинением была «антисоветская агитация» (ст. 58, п. 10), значительная часть обвинений была предъявлена в индивидуальном порядке. По мере приближения к Большому террору росла роль обвинений в «создании контрреволюционных

групп» (п. 11), которые сопровождались обвинениями в «организации вооруженного восстания» (п. 2), «вредительстве» (п. 7) и «терроризме» (п. 8). В 1935 г. 80% всех выдвинутых обвинений содержали в себе только один пункт статьи 58, в 1937 г. этот процент сократился до 27%. Значительная часть дел была завершена после 30 июля 1937 г. уже в ходе Большого террора. Проведенный анализ позволил сделать вывод об отличии арестной практики от практики осуждений в рассматриваемый период. Направления репрессивной политики постоянно изменялись, во «враги» последовательно записывали «зиновьевцев», «бывших», «троцкистов», «вредителей», «шпионов», что влияло на профессиональный и социальный состав арестованных. Это постепенно меняло структуру предъявляемых обвинений – к середине 1937 г. в них редко присутствовало менее трех пунктов статьи 58.

Считается, что после убийства Кирова террор в стране начал постепенно ужесточаться. Однако при рассмотрении практики осуждений во втором параграфе установлено, что это ужесточение проявляется только в начале 1937 г. До этого времени с 1935 по 1936 г. наблюдается снижение количества приговоров к долгим лагерным срокам, при этом количество прекращенных дел растет. Только в начале 1937 г. это положение существенно меняется. В рассматриваемый период большинство дел, приговор по которым был вынесен до июля 1937 г., находилось в рамках существовавшей советской законности – проходило через судебные инстанции. Роль внесудебного Особого совещания была относительно невелика, однако уже до начала Большого террора наметился небольшой перекося в сторону увеличения роли внесудебных приговоров и уменьшения количества приговоренных по суду.

В последней, **шестой главе** («Социально-экономические причины репрессий»), рассматривается влияние уровня социально-экономического развития районов Алтая и Ойротии на уровень репрессий в них. В первом параграфе проверяется гипотеза о влиянии благосостояния населения районов на уровень репрессий в них. Основным источником сведений в данном случае стал сборник экономических показателей 55 районов Алтая и 10 районов Ойротской АО «Западно-Сибирский край. Города и районы. Основные показатели» за 1935 г. Имеющийся набор показателей экономического и социального развития районов Алтая и Ойротии позволил построить целый ряд регрессионных моделей, дающих возможность оценить степень влияния тех или иных групп показателей на вариации порайонной интенсивности репрессий. Регрессионный анализ показал, что такие признаки, как товарооборот и расходы на душу населения по сравнению с другими экономическими показателями в наибольшей степени влияли на уровень репрессий в районах Алтая и Ойротии: те районы, в которых эти показатели были высокими, отличались высокой интенсивностью репрессий. Такие районы можно условно разделить на две группы: районы с центром в городе и районы с национальным населением. Была установлена также связь уровня коллективизации – доли коллективизированных хозяйств (и косвенного индикатора состоятельности колхозов – количества колхозной посевной площади на одного сельского жителя) с уровнем репрессий в районах: там, где увеличивалась доля коллективизированных хозяйств, повышался и уровень репрессий. Согласно регрессионным моделям, экономические показатели в различных комбинациях объясняют до половины изменений показателя «число репрессированных», однако очевидно, что основную роль играли политические установки центральной и местной власти на проведение репрессий среди отдельных категорий граждан.

Во втором параграфе анализируется пространственная структура репрессий на Алтае и в Ойротской АО в середине 1930-х гг. В основе предложенной методики лежит кластерный

анализ районов Алтая и Ойротской АО по различным экономическим и социальным показателям. Выделяются группы районов, в которых репрессивная политика была схожей на основании различных социально-экономических показателей, оказывавших определенное влияние на уровень репрессий.

Построение ГИС-карты, отражающей уровень репрессий в районах Алтая и Ойротии, позволило подтвердить гипотезу о влиянии пространственного фактора на интенсивность репрессий: группы районов с одинаковой интенсивностью заливки в основном состоят из смежных районов. Рассмотренные при помощи ГИС-карт варианты кластеризации районов Алтая и Ойротии по разным признакам позволили выделить пять типологических групп районов на основании влияния в определенной степени на уровень репрессий разных социально-экономических показателей.

В **заключении** приведены основные выводы исследования. Как показала проведенная работа, «Книги памяти» являются ценным источником для реконструкции социального портрета репрессированных, обладающим богатым информационным потенциалом, однако не все из них являются репрезентативным источником для реконструкции социального портрета репрессированных в конце 1934 – первой половине 1937 гг. Проведенное впервые сравнение материалов «Книг памяти» с опубликованной статистикой за период 1935-1936 гг. показало, что только отдельные книги обладают полной информацией для реконструкции социального портрета репрессированных за этот период. К таким Книгам относятся Книги памяти Алтайского края и Республики Алтай. Сравнение материалов «Книг памяти» с данными из следственных дел по Алтаю подтвердило высокую степень надежности их сведений и возможность использования их в качестве источника.

Благодаря совместному использованию «Книг памяти» и следственных дел впервые в подробностях рассмотрен массив биографических данных по репрессированным после убийства Кирова до начала Большого террора. Установлено, что с начала 1937 г. количество жертв террора существенно возросло, а динамика репрессий в двух регионах стала практически идентичной, что говорит об исполнении единых центральных указаний о проведении репрессий. Проанализированы механизмы ведения следствия, также впервые прослежено изменение предъявляемых обвинений на основе подсчета частот совместной встречаемости пунктов статьи 58 УК РСФСР. Автором диссертационного исследования также впервые выявлена и статистически доказана гипотеза о влиянии благосостояния населения отдельных районов Алтая и Ойротской АО на уровень репрессий в них, составлена типология районов на основе кластерного анализа различных социально-экономических показателей.

Анализ социального портрета показал, что в основной массе репрессии были направлены против мужчин в возрасте от 21 года до 50 лет. В обоих регионах наиболее жесткий террор был направлен против представителей «инонациональностей» - немцев, поляков и др., а в Ойротской АО – и русских как представителей «инонациональности» по отношению к коренному алтайскому населению. Репрессивные меры государства ударили по наиболее многочисленным социальным группам – рабочие промышленности, занятые в сельском хозяйстве и служащие (в основном низового уровня). Они составили 67-69% среди всех репрессированных (в оставшуюся треть вошли священники, деклассированные, единоличники и др.), в то время как доля партийно-хозяйственных руководителей районного и областного уровня составила 3,8%. Дела на занятых в сельском хозяйстве чаще других прекращались за недоказанностью обвинения, также они часто получали менее жесткие

приговоры в 1-3 года, однако в абсолютном выражении этот социальный слой пострадал от репрессий в наибольшей степени.

Большинство репрессированных на Алтае имело образование ниже среднего или было малограмотным. Сравнение полученных результатов с данными по Ойротской АО показало, что в ней уровень грамотности репрессированных был немного выше. Анализ архивной выборки из следственных дел по Алтаю показал, что значительная часть репрессированных являлась выходцами из различных категорий крестьянства, что является неудивительным для преимущественно аграрного края. В количественном отношении значительно больше от репрессий пострадали вполне «советские» группы населения – выходцы из крестьян-бедняков и середняков. Относительно много людей (до 14%) до ареста состояли в ВКП(б). Наиболее старые члены партии из попавших в выборку (вступившие в нее до 1922 г.) в основном были приговорены к расстрелу или длительным лагерным срокам, однако они не были основной целью репрессий. В определенной степени на вынесенный приговор влияла и служба в армии. В рассматриваемый период принадлежность к рядам белой армии могла сама по себе стать решающим фактором для ареста. Она также являлась объектом подлога сведений в следственном деле: служебное положение в рядах белой армии нередко заменяли на другое для получения «нужной» картины следствия. 67% от репрессированных служащих Красной армии составили рядовые красноармейцы, дела которых часто прекращались за недоказанностью преступления. В указанный период репрессии не носили массово-социального характера: причиной ареста чаще становилась индивидуальная «вина» человека – неосторожное высказывание, рассказанный анекдот, «пятна» в биографии.

Алтай выделялся своей аграрной специализацией, что отразилось в количестве арестованных работников сельского хозяйства, которое значительно превышало средний показатель по всему Советскому Союзу. Наличие в составе арестованных значительного количества представителей этой общественной группы обусловило более высокий, чем в среднем по СССР, процент прекращенных по итогам следствия дел. В целом обвинительная практика на Алтае незначительно отличалась от других регионов Советского Союза.

Таким образом, проведенное исследование показало, что изучение материалов «Книг памяти» способствует реконструкции правдивого облика жертв политических репрессий. Они показывают, что уже до начала массовых операций террор охватил все слои советского населения и был направлен не только на «оппозиционеров» и якобы их сторонников, на партийных деятелей, а в основном на рядовых советских граждан.

Положения, выносимые на защиту.

1. «Книги памяти» являются ценным источником для реконструкции социального портрета репрессированных, обладающим богатым информационным потенциалом, однако не для всех регионов они являются репрезентативным источником, обладающим полнотой информации применительно к периоду с конца 1934 г. по первую половину 1937 г. За указанный временной период Книги памяти Алтайского края и Республики Алтай и их сведения, внесенные в базу данных «Жертвы политического террора в СССР», обладают высокой степенью информативности.

2. Репрессии рассматриваемого периода на Алтае и в Ойротской АО четко зависели от инструкций центральной власти и контролировались Западно-Сибирским крайкомом ВКП(б). В 1935 г. проводились локальные репрессивные акции, с середины 1936 г. динамика репрессий двух регионов становится идентичной.

3. От репрессий в рассматриваемых регионах пострадали в основном рабочие и колхозники. Вместе с мелкими служащими – рядовыми работниками советских учреждений – они составили 67% от всех репрессированных в рассматриваемый период на Алтае и 69% - в Ойротской АО (в оставшуюся треть вошли священники, деклассированные, единоличники и др.). Доля партийно-хозяйственных руководителей районного и областного уровня составила 3,8% от всех репрессированных в рассматриваемый период. Пик репрессий против работников сельского хозяйства в течение рассматриваемого периода приходится на 1935 г. К началу Большого террора на Алтае практически прекращаются аресты единоличников, так как к этому времени в населении региона их остается не более 1,5%, в Ойротской АО аресты происходят равномерно на протяжении всего рассматриваемого периода, так как еще активно продолжается процесс коллективизации.

4. В обоих регионах террор против представителей «инонациональностей» (немцев, поляков и т.д.) был более жестким – их чаще всего приговаривали к расстрелу. В Ойротской АО к «инонациональности» также относилось русское население. В рассматриваемый период национальность не всегда являлась причиной ареста (как в «национальных» операциях Большого террора), но влияла на степень тяжести выносимого приговора.

5. К июлю 1937 г. снижается доля индивидуальных арестов и увеличивается количество дел «контрреволюционных групп». На протяжении рассматриваемого периода усложняется структура предъявляемого обвинения с одного пункта статьи 58 УК РСФСР в начале 1935 г. (преимущественно «антисоветская агитация») до трех и более пунктов с начала 1937 г. С этого времени увеличивается частота встречаемости обвинений в «организации вооруженных восстаний» (ст. 58 п. 2), во «вредительстве» (п. 7) и «терроризме» (п. 8).

6. Уровень благосостояния населения районов Алтая и Ойротской АО влиял на уровень репрессий: чем выше он был (более высокая покупательная способность населения), тем выше был уровень репрессий. Интенсивность репрессий в смежных районах, близких в территориальном аспекте и социально-экономическом отношении, различалась в меньшей степени, чем в отдаленных друг от друга районах.

Основные положения диссертации отражены автором в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и в изданиях, утвержденных Ученым советом МГУ имени М.В. Ломоносова (по группе специальностей 07.00.00 – «Исторические науки и археология»):

1. Мишина Е.М. «Контрреволюционные преступления» 1935—1937 гг.: анализ частот встречаемости пунктов статьи 58 УК РСФСР в ходе репрессий на Алтае // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Выпуск 8 (41) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001231-3-1> (дата обращения: 11.04.2017). DOI: 10.18254/S0001231-3-1 (0,7 п.л.);

2. Мишина Е.М. Репрессии на Барнаульском меланжевом комбинате накануне Большого террора: источниковедческий анализ следственных дел // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 5. С. 38-46 (0,8 п.л.);

3. Мишина Е.М. Базы данных и реконструкция социального портрета репрессированных: историографический обзор // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Выпуск 7 (51) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001599-7-1> (дата

обращения: 11.04.2017). DOI: 10.18254/S0001599-7-1 (0,8 п.л.);

4. Мишина Е.М. Сталинские репрессии 1935–1937 гг.: анализ динамики по социальным группам на основе «книг памяти» Алтайского края // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 4. С. 369-380 (0,8 п.л.);

Публикации в журналах, входящих в перечень изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

5. Мишина Е.М. Социальные характеристики репрессированных на Алтае в 1935–1937 гг.: анализ базы данных и архивных материалов // Вестник Пермского университета. Серия "История". 2014. № 3. С. 45-56 (0,9 п.л.);

Другие публикации по теме диссертации:

6. Мишина Е.М. Социальный портрет репрессированных в 1935-1937 гг. на Алтае: анализ базы данных и архивных документов // Историческая информатика. 2013. № 3. С. 3-14 (0,9 п.л.);

7. Мишина Е.М. Профессиональный состав репрессированных в 1935–1937 гг.: анализ базы данных на основе «книг памяти» Алтайского края // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 41. Материалы международной научной конференции «История профессий в ретроспективе: от анализа источников к технологиям обработки данных». Декабрь 2013. г. Барнаул, 2013. С. 88-107 (0,4 п.л.);

8. Мишина Е.М. Анализ следственных дел репрессированных на Алтае в 1935 - первой половине 1937 гг.: источниковедческие аспекты // Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов IV международной конференции молодых ученых и специалистов "Сlio-2014". Москва, 2014. С. 282-286 (0,2 п.л.);

9. Мишина Е.М. Топография террора на Алтае в 1935-1937 гг.: построение и анализ ГИС-карты // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер". Том 43. Барнаул: - Издательство Алтайского государственного университета, 2015. С. 117-121 (0,2 п.л.);

10. Мишина Е.М. Анализ факторов уровня репрессий в районах Алтая в 1935–1937 гг.: опыт применения статистических методов и ГИС-технологий // Историческая информатика. 2016. № 1-2. С. 59-72 (0,7 п.л.);

11. Мишина Е.М. Реконструкция социального портрета репрессированных на Алтае и в Ойротской АО в 1935-1937 гг.: опыт сравнительного статистического анализа // Историческая информатика. № 2. 2017. С. 33–51. DOI: 10.7256/.2017.2.23103 (1 п.л.).